

Предисловие к русскому изданию

Предлагаемый отечественному читателю исторический очерк о первом этапе Итальянских войн принадлежит перу известного французского историка-позитивиста Анри Лемонье (1842–1936), профессора Парижского университета Сорбонны, офицера ордена Почетного легиона (1901).

Начав свои научные исследования в качестве правоведа, он довольно скоро увлекся историей искусства XVI–XVII вв., став автором книг «Искусство Франции в эпоху Ришелье и Мазарини» (1893) и «Французское искусство во время Людовика XIV (1661–1690)» (1911), «Искусство Нового времени (1500–1800)» (1912). В 1899 г. основал первую кафедру истории искусства во Франции.

В начале XX века он был привлечен Эрнестом Лависсом, главным редактором многотомного академического издания «Истории Франции», для написания очередного тома, охватывающего период Итальянских войн (1494–1559). Несмотря на общедоступный характер изложения материала, А. Лемонье довольно точен в перечислении и обобщении фактов и логики политических и военных событий. Он намеренно писал про Итальянские войны с точки зрения сложившихся оценок и историографических клише французской

исторической школы, опираясь и обобщая работы своих коллег.

Для российского читателя этот текст может быть полезен, поскольку заполняет по-прежнему существующую лакуну в истории Итальянских войн. Эти войны А. Лемонье справедливо представляет как первый общеевропейский конфликт, в который прямо или косвенно были вовлечены все европейские и отчасти азиатские государства. Привлекательным моментом этого очерка, бесспорно, является цитирование значительного числа оригинальных источников – отрывков из хроник, историй, мемуаров, переписки королей, министров и послов, а также приведение мнений авторитетных историков по разным вопросам. Автор убедительно демонстрирует постепенную смену исторических эпох, когда, благодаря в том числе Итальянским войнам, Европа расставалась со своим средневековым прошлым, но еще не дошла до Нового времени.

Принимая решение о переводе на русский язык фрагмента, который касается первых Итальянских войн, случившихся до Реформации и религиозного раскола христианского мира, редакция рассчитывает, что настоящий текст раскрывает военно-политические причины этого явления, равно как сложный процесс становления европейских государств эпохи Возрождения.

В. В. Шишкин

Глава I

Поход Карла VIII (1494–1495)

I. Карл VIII и планы в отношении Италии. – II. Италия. – III. Предыстория возникновения итальянского вопроса. – IV. Положение держав к 1494 г. – V. Завоевание и потеря Неаполя

I. Карл VIII и планы в отношении Италии

Новая цивилизация

В царствования Карла VIII (1483–1498) и Людовика XII (1498–1515) начались Итальянские войны, ставшие для Франции периодом чрезвычайно активного взаимодействия со всеми европейскими державами.

Это было время перемен для европейской цивилизации. Эпоха Возрождения перевернула представления людей об окружающем мире; начинаясь Реформация изменила религиозное сознание; открытие Америки стало началом освоения огромных территорий; появление или укрепление великих держав – Франции, Англии, Испании, Австрии – изменило международную политику; триумф монархического начала повлиял на формы управления; пушечный порох, найдя практическое применение, вскоре совершил переворот в военном искусстве. Благодаря развитию книгопечатания все идеи, все мысли находили чрезвычайно широкое распространение.

Новое время

Тогда же, если использовать общепринятое выражение, началось Новое время.

Теперь особое место в европейской цивилизации заняла античность, а первой ею вдохно-

вилась Италия. Однако не следует полагать, что всё зиждилось исключительно на античности и на Италии. Свой след оставила и цивилизация Средневековья, созданная представителями северных наций. Книгопечатание, Реформация, политические режимы и общественный строй великих держав были созданы народами Севера.

Но люди XVI в. убедили себя, что недавнее прошлое исчезло полностью и что оно было бесплодным; они больше не хотели ничего о нем знать. Они считали, что всё создается или возрождается их стараниями, благодаря вновь обретенной античности, и именно поэтому ту эпоху назвали «Возрождением».

В великих событиях того времени, кроме политических, Франция поначалу играла второстепенную роль по сравнению с Италией или даже с Германией. Не на ее земле возникло Возрождение, изобрели книгопечатание, произошла религиозная революция, породившая Реформацию. Но благодаря контакту с другими странами, особенно с Германией и Италией, Франция воспринимала новые идеи, усваивала их и мало-помалу оставляла на них отпечаток собственного гения.

Таким образом, во время Итальянских войн (1494–1559) во французской истории, как и во всеобщей истории, начался особый период.

Карл VIII

Женитьба Карла VIII на герцогине Анне Бретонской в 1491 г. и его примирение с первым принцем крови Людовиком Орлеанским ознаменовали конец властовования семьи Бурbon-Божё. С 1492 г. началось по сути новое царствование:

Карл VIII взялся руководить делами королевства сам.

К тому времени королю было двадцать два года. Он имел хилое телосложение. На бюсте, хранящемся в музее Барджелло во Флоренции, у него худое лицо с редкой бородкой, тонкий нос с выраженной горбинкой, выступающая нижняя губа. Особенно бросаются в глаза две особенности: неподвижный взгляд и неправильная форма лица, правая часть которого кажется немного толще, — изъян, который подчеркивается подобием застывшей усмешки на устах. Это был человек плохо сложенный, тщедушный, нервный, энергичный, но неуравновешенный.

Его характер

Умственные способности Карла VIII соответствовали физическому типу: тоже нечто смутное, неопределенное. Его мысли были скучными и не-последовательными. Молодой король лелеял обширные замыслы, проявляя больше воображения, нежели здравого смысла, но не мог действовать последовательно и целенаправленно; раздражительный, каковыми часто бывают робкие люди, упрямый, как многие слабые умы, он шел напролом туда, куда его влекла страсть, проявляя то великолудшие, как тогда, когда поспешил освободить из тюрьмы своего кузена Людовика Орлеанского, то героизм, как сражении при Форново; он был предназначен для роли ведомого, однако тот, кто хотел бы его подчинить, сначала должен был польстить его фантазиям.

Тем не менее он был больше и лучше образован, чем утверждают. Он достаточно знал латынь,

чтобы понимать проповедь; он любил литературу, а еще больше искусство. Он, по словам Гагена, прочел много книг, и это были не только знаменные рыцарские романы, бывшие у всех на слуху. Однако и эти романы вполне могли оказать некоторое влияние на его молодое и пылкое воображение; они были в большой моде и сохраняли мистический, галантный и рыцарственный оттенок. Чего королю не хватало, так это усердия в делах. «Думаю, я его оценил, — писал флорентийский посол своему правительству, — хотя сам по себе он никоим образом не способен заниматься серьезными делами. Он так мало разбирается в них и проявляет к ним так мало интереса, что мне стыдно говорить об этом». Общее впечатление довольно грубо подытожил венецианский посол: «Считаю бесспорным, что как физически, так и духовно он немногого стоит».

Его окружение

Кто руководил Карлом VIII? При этом неопытном молодом человеке, которого мало заботили политические формальности, правительство сохраняло совершенно частный и личный характер, — это было правительство придворное, куриальное (*d'hôtel*), как еще говорили. Лица, которые приобретут влияние, будут обязаны им не наследственному титулу, а королевской милости.

Анна де Божё и Анна Бретонская

Регентша Анна де Божё, старшая сестра короля, не хотела лишаться власти, которую у нее только что внезапно отобрали. Энергичная, решительная, резкая, она управляла мужем, которому

принесла столь блестящее положение. Молодая королева Анна Бретонская, которой было всего шестнадцать лет, выглядела робко и оставалась неприметной. Наконец, герцог Орлеанский, только что примирившийся с Карлом VIII, несомненно, надеялся использовать свой титул принца крови, чтобы ту власть, которую он прежде пытался узурпировать, подняв мятеж, теперь получить по воле кузена. В 1492 г. королева, господин и госпожа де Божё, Людовик Орлеанский заключили соглашение. 5 июля перед кардиналом Жоржем Амбуазским, «державшим ствол истинного креста и прочие священные и драгоценные реликвии», они поклялись «любить и поддерживать друг друга».

Гравиль и де Веск

Самым сильным из их соперников казался сир де Гравиль, старый слуга Людовика XI. «Упомянутый Гравиль, — пишет Жалиньи, — обладал тогда наибольшей властью при дворе, и, с тех пор как он вступил в эту власть, он еще не расставался с королем». Тем не менее он постепенно начал утрачивать высокое положение, какого добился; вынужденный лавировать между партиями, он производил впечатление человека нерешительного, колеблющегося, может быть, даже малонадежного. Еще больше тревоги союзникам должна была внушать другая фигура — Этьен де Веск, более известный как «сенешаль Бокера». Он начал карьеру при дофине и энергично продолжал ее в первые годы царствования. В июне 1493 г. флорентийский посол, заинтересованный в том, чтобы точно знать, кто ведет дела, напишет Синьории:

«Сенешаль более всех по сердцу королю, ближе всех к нему и принимает большее участие во всякой деятельности, чем любой другой сеньор».

Гильом Брисонне

Наряду с сенешалем усиливался и третий человек — Гийом Брисонне, представитель той самой буржуазии, общественное значение и политическая роль которой росли и которую монархия XVI в. и дворянство, словно сговорившись, будут оттеснять от власти. Гийом Брисонне приобрел сильное влияние на Карла VIII и связывал свой успех прежде всего с успехом де Веска. Флорентийские послы характеризовали его как *«uomo astuto e di grande stima e credito appresso del Re»*¹. Было очень похоже, что он метит весьма высоко. Когда он овдовел, то стал клириком, а в 1493 г. получил сан епископа Сен-Мало, и все знали, что он рассчитывает на шляпу кардинала. Церковные титулы имели двойное преимущество, обеспечивая некоторую безопасность среди перипетий придворной жизни и заменяя «происхождение»: кардиналу, архиепископу путь был открыт повсюду; буржуа, каким бы богатым и дружным с монархом он ни был, должен был, достигнув определенного уровня, умерить амбиции.

Второстепенные фигуры

Маршал де Жье с 1483 по 1491 г. оказал французскому королевству значительные услуги. Но после бретонского брака он появлялся при дво-

¹ Хитрого человека, который пользуется большим уважением и большим доверием короля (*ut.*).

ре довольно мало и, казалось, не принадлежал к тем, кого в данный момент стоит опасаться. Далее следовали персоны второго плана: Ла Тремуй, занимавший очень почетное и очень видное положение, но при этом маловлиятельный, несмотря на победу при Сент-Обен-дю-Кормье; Эмбер де Батарне, сеньор де Ле Бушаж; Жан де Рейак, докладчик прошений; знаменитый Филипп де Коммин, который пытался было участвовать во всех интригах, но попал в тюрьму и только что вышел на свободу, скомпрометированный памятью о некоторых сомнительных делах.

Планы Карла VIII

Таким образом, жизнь при дворе изобиловала «комбинациями»; они оказывали прямое влияние на внешнюю политику, и важным вопросом, вокруг которого в 1492 г. сложилась целая партия, уже был вопрос итальянский. Карл VIII помышлял только о завоевании Неаполитанского королевства. В то же время, увлекаемый романтикой дальних странствий, он также мечтал отнять у османов Константинополь. Таким образом, экспедиция в Италию должна была стать прелюдией к крестовому походу, о котором все время говорили, но которого так и не предприняли.

Веск и Брисонне подчинили короля своему влиянию и не менее четырех лет играли роли глав правительства, целиком посвятив себя осуществлению планов Карла VIII.

Права Карла VIII на Неаполь

На Неаполь претендовали две королевских династии – Арагонская и Французская. В 1492 г. его престол занимала Арагонская династия в лице Фердинанда I. Что касается притязаний Карла VIII, то они основывались на завоевании этого королевства Карлом I Анжуйским, братом Людовика Святого, в 1266 г., и на правах, которые предъявлял на королевство второй французский Анжуйский дом, представители которого утверждали, что наследовали Неаполь по усыновлению или завещанию². Так как последний из них, граф Карл Менский (ум. 1481), написал завещание в пользу Людовика XI, Карл VIII выдвинул притязания на эту часть наследства, которую упустил его отец. Юристы повсюду собирали соответствующие владельческие документы (в Провансе, анжуйском владении, их искали еще в 1494 г.). Был написан специальный мемуар, где – несомненно, умышленно – оба Анжуйских дома объединили в один. Так сформировалась официальная версия, воспроизведенная в 1494 г. в королевском указе: «Дабы мы должным образом сознавали, что означенное королевство причитается нам как по праву наследования, так и по завещанию Анжуйского дома».

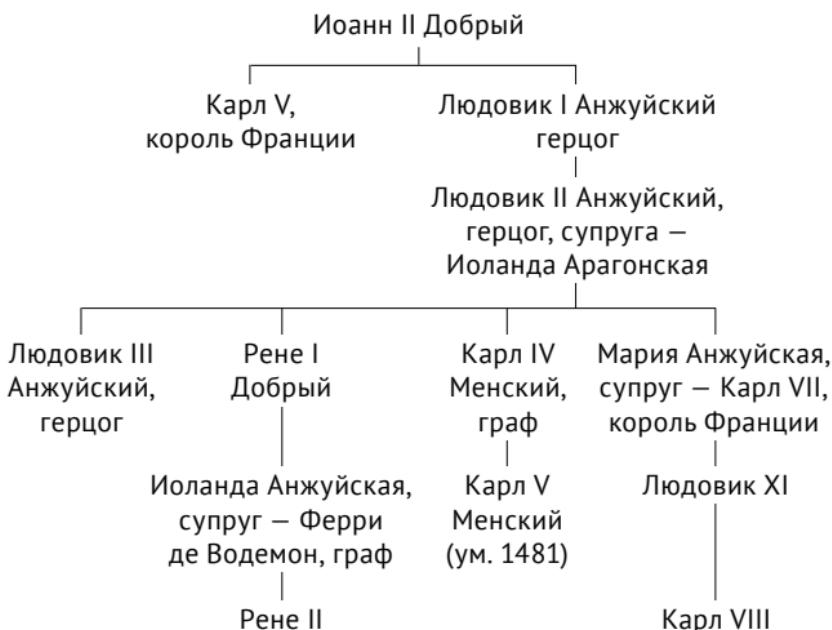
Сомнительность этих прав

В действительности эти королевские права были крайне сомнительными. Когда французы требовали Неаполь, ссылаясь на наследство

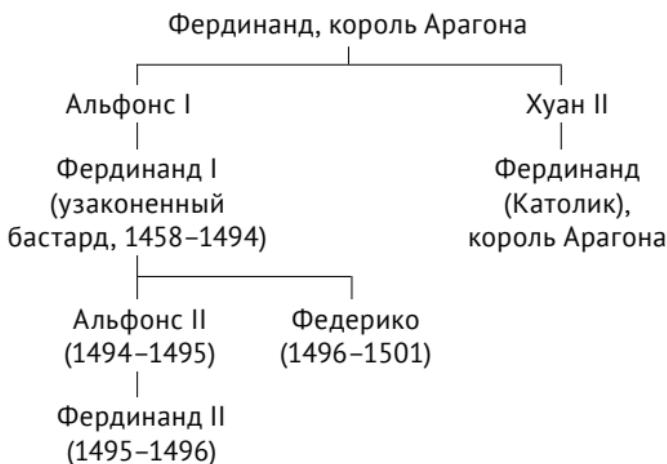
² *Van der Hæghen Ph. Examen des droits de Charles VIII sur le royaume de Naples // Revue historique.* 1885 (28). Fasc. 1. P. 89–111.

I. Карл VIII и планы в отношении Италии

Упрощенная генеалогическая таблица второй Анжуйской династии

Упрощенная генеалогическая таблица Арагонского дома Неаполя

Глава I. Поход Карла VIII

Карла I Анжуйского, арагонцы указывали, что королевство держат как лен от Святого престола, который был отдан Карлу Анжуйскому и его потомству, но при условии сохранения родства, самое большое в четвертой степени. Тем самым на Карла VIII эти права не распространялись. На заявления же, что Людовик I Анжуйский, глава второго дома, был в 1380 г. усыновлен Джованной I, королевой Неаполя, или что Джованна II, другая королева Неаполя, написала завещание в пользу Рене I Анжуйского, сторонники Арагонского дома отвечали, что обычаи королевства не признают актов такого рода, да и завещание Джованны II подделано. Но какое все эти аргументы имели значение? Довольно было, что имеется повод для обсуждения, ведь права арагонцев были подтверждены едва ли лучше.

II. Италия

Начало объединения

Историки обычно подчеркивают, что в конце XV в. Италия была раздроблена; для этого утверждения есть основания. Однако если вместо того, чтобы сравнивать ее с другими государствами, сравнить ее с самой собой в предшествующий период, то окажется, что сам ход событий как будто вел ее к единству. Вместо многочисленных феодальных или муниципальных владений появились государства – Венецианская республика, герцогство Миланское и т. д. Правда, Италия добилась лишь объединений локального характера: как и Германия, она отставала, двигаясь одним путем с западными нациями.

Индивидуализм и кондотьеризм

Географическая конфигурация Апеннинского полуострова, политика папства, многочисленные вторжения и утверждение иноземного господства в Средние века привели к появлению причудливых и бесконечно менявшихся изрезанных границ, бутафорских и искусственных государств, бесконечно разнообразных форм управления, сепаратистских обычаяев. Следствием этого стал

индивидуализм, то есть уничтожение не только национальной идеи, но и чувства солидарности между итальянцами. «Кондотьеризм», определявший самое меньшее как политическую и социальную, так и военную историю полуострова, был ярким выражением этих тенденций. Политика приобрела совершенно частный характер. Город, отдельный человек или государство – все стремились лишь расширять свои владения, используя для этого как свои таланты, так и удачные стечения обстоятельств. Постепенно исчезала республиканская форма управления, сменяясь монархической. Здесь Италия опять же следовала общим тенденциям, каким подчинялась Европа. Если во Франции, Англии и Испании государи подчиняли свои частные устремления долгосрочным интересам государства, то итальянские князья привыкли отождествлять государство со своей особой и подчинять его себе. Наглядней всего это показывают история Миланского герцога Лодовико Моро или максимы из книги Макиавелли «Государь».

В 1494 г. существовало шесть монархических государств, более или менее сложившихся.

Неаполитанское королевство

Неаполитанское королевство представляло собой единственную политическую единицу, которая сохранилась в течение Средних веков, но не раз испытала свержения династий – границы оставались прежними, но власть неоднократно менялась. Неаполитанские монархи не могли подавить феодалов, еще очень могущественных накануне французского завоевания. Политиче-

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru